

Ниже висела черно-белая фотография — снимок спины какого-то извращенца.

Фотография была нечеткой, но фирменное белое пальто, длинные черные волосы и выдающийся рост слишком бросались в глаза. К тому же жильцы этого дома постоянно сталкивались друг с другом лицом к лицу, так что человека на снимке можно было узнать с первого же взгляда.

Вмиг местные жители принялись наперебой критиковать своего шапочного знакомого и соседа, обвиняя его в том, насколько мрачна и извращена его душа. Из-за шокирующего характера происходящего они на время забыли о том, чтобы осуждать самого незнакомого фотографа-папарацци, и лишь вовсю обсуждали увиденный снимок, называя его омерзительным и тошнотворным!

Чэнь Сяньинь, совершенно убитый горем, стоял перед рядами объявлений и под звуки непрекращающихся обвинений стал всеобщим мишенью для травли.

Би Ю подскочил к нему и увел из толпы, но слухи и сплетни увести с собой было нельзя.

Вернувшись домой, Чэнь Сяньинь с бесстрастным выражением лица сидел перед телевизором и, глядя на новости на экране, скривил губы в улыбке: — Интересно, не покажут ли завтра в местных новостях репортаж обо мне.

Би Ю в ярости выключил телевизор: — Не смей думать о всякой чепухе.

Однако, хоть он и говорил так, сам Би Ю не мог справиться с наплывом дурных мыслей.

Подобные гадкие инциденты происходили уже не впервые.

Еще несколько лет назад двое или трое ухажеров из той же школы тоже тайком делали реальные фотографии Чэнь Сяньиня. Все они тогда еще не до конца повзрослели, поэтому находили это лишь забавным и даже собирались продать снимки другим ради наживы. К счастью, Чэнь Сяньинь вовремя обнаружил это до того, как ситуация успела разгореться, а его ничем не примечательный отец внезапно объявился, вмешался в дело и пустил в ход кое-какие связи, благодаря чему фотографии так и не вышли за пределы узкого круга.

Тогда все удалось уладить красиво, но в душе Чэнь Сяньиня все равно остался неизгладимый мрачный след: он бросил учебу, впал в депрессию на четыре-пять месяцев и не хотел выходить из дома никуда, кроме как в родные стены.

В один из дней Би Ю, вернувшись из школы домой, не застал Чэнь Сяньиня на месте. Подумав, что тот наконец-то отбросил дурные мысли, он с радостью расспросил родителей и лишь тогда узнал, что Чэнь Сяньиня забрал отец и что в будущем он, скорее всего, больше сюда не вернется.

И вот теперь, когда Чэнь Сяньинь снова появился здесь, он столкнулся с таким чудовищным унижением...

— Сяньинь.

Би Ю окликнул его по имени, и Чэнь Сяньинь поднял на него взгляд.

С серьезным выражением лица и холодным блеском в глазах Би Ю произнес: — В эти дни возьми отлучку и не выходи из дома. Я непременно быстро найду этого ублюдка.

Чэнь Сяньинь крепко сжал губы и в упор уставился на Би Ю, а его глаза наливались все большим и большим красным цветом.

— Би Ю, — Чэнь Сяньинь тихонько придвинулся к нему ближе, а его лицо было неестественно бледным. — Есть одна вещь... о которой я не сказал тебе вчера.

— Я думал, что просто накручиваю себя, что это лишь обман зрения... или даже галлюцинация, — бормотал Чэнь Сяньинь. — Лишь сегодня, увидев собственными глазами те жуткие фотографии внизу, я наконец убедился, что не ошибся!

Руки Чэнь Сяньиня вцепились в плечи Би Ю, а его эмоции хлынули наружу подобно прорванной плотине: — Ты знаешь, Би Ю? Все эти дни мне казалось, что за мной кто-то тайком следит, прячется по углам и следит за мной! Эта тварь бесстыдно прячется у меня за спиной, а стоит мне обернуться — тут же скрывается, ее абсолютно... абсолютно невозможно поймать.

— У школьных ворот, под полками в супермаркете, за каждым деревом на автобусной остановке... везде ощущается ее присутствие, — в отчаянии вцепившись в свои волосы, простонал Чэнь Сяньинь. — Кто это, кто же это? Какое удовольствие ты получаешь, поступая со мной так, выставляя мои секреты на всеобщее обозрение...

— ...Тянь Цзяцзя.

В тот самый миг, когда было произнесено это имя, Би Ю и сам замер.

Очевидно же — это была она, могла быть и была только Тянь Цзяцзя.

Теплые слезы упали на тыльную сторону ладони, но Чэнь Сяньинь быстро оправился от минутного изумления.

Эмоциональное состояние Чэнь Сяньиня было ужасным: снова и снова он спрашивал Би Ю, не возненавидит ли тот его, не бросит ли, не оставит ли и не отречется ли от него. Би Ю без устали раз за разом давал обещание: — Нет, нет, не брошу.

— Что бы со мной ни стало, ты ведь не уйдешь от меня? — переспросил Чэнь Сяньинь.

Би Ю показался этот вопрос смутно знакомым, казалось, вчера он уже задавал его ровно один раз.

Теперь же, когда факты были налицо, слово конечно, слетевшее с губ Би Ю, мгновенно обрело поистине стопроцентную искренность, и Чэнь Сяньинь улыбнулся — вчерашние сомнения окончательно развеялись.

— Тогда я кажусь тебе отвратительным?

Би Ю покачал головой: — У нас с тобой одинаковое физическое устройство. С чего бы мне считать тебя противным из-за какой-то другой одежды и манеры наряжаться?

Глаза Чэнь Сяньиня ярко заблестели, а подернутые слезами зрачки, казалось, вобрали в себя какую-то особую, иную нежность.

С улыбкой Чэнь Сяньинь шагнул дальше и высказал еще более дерзкую просьбу: — Би Ю, покажи мне свое тело, можно? Ну можно же? Мы ведь раньше часто так делали... Столько времени прошло, я и правда уже почти забыл, как выглядит твоя обнаженная кожа, и уже так долго, так долго не касался ее своими руками...

На бледном лице Чэнь Сяньиня промелькнуло тоскливое выражение, а брови слегка сошлись на переносице: — Ты ведь тоже? Ты ведь помнишь?

Разве они... раньше часто так делали?

Би Ю подсознательно хотел возразить, но, тщательно всё припоминив, с ужасом обнаружил, что реальность, судя по всему, в точности соответствовала словам Чэнь Сяньиня.

Верно. Это происходило в те несколько месяцев, когда Чэнь Сяньинь не ходил в школу.

Он делал это, чтобы помочь Чэнь Сяньиню справиться с душевным кризисом. Он заходил в комнату, мягко успокаивал, дожидался полуночи, когда на улице оставалось меньше людей, и водил его в парк развеяться, и всё в таком духе, однако эффект был минимальным. По большей части Би Ю разговаривал сам с собой, в то время как Чэнь Сяньинь сидел рядом и молча наблюдал за его речами.

Со временем Би Ю оставил эти поверхностные попытки. Пока однажды в выходные родители не уехали по делам, оставив дома только их двоих. Чэнь Сяньинь, наконец не выдержав тяжести на душе, обнял Би Ю и заплакал. Он слишком долго был лишён солнечного света, его некогда чёрные длинные волосы слегка выцвели и отдали в бурый цвет, но руки сжимали Би Ю с такой силой, что тому стало трудно дышать.

Слушая звучащие из уст собеседника проклятия и горькие упрёки в свой адрес, Би Ю слегка перевёл дыхание и произнёс:

— Не надо, не думай так, мы ведь одинаковые.

И тогда, вполне естественно, желая убедить Чэнь Сяньиня, Би Ю без колебаний снял пижаму.

— Смотри, мы же одинаковые, я не стану тебя ненавидеть.

Кожа и плоть под его руками казались намного более зрелыми, чем прежде. Грудь осторожно вздымалась и опускалась, грубые и жуткие шрамы словно при оценке сменялись один за другим под скользящими касаниями, и там, где они соприкасались, с некоторым запозданием неизменно зарождался зуд.

Когда Би Ю опомнился, Чэнь Сяньинь уже прижимал его к полу, верхнюю одежду задрали и скатали к самой шее, а Чэнь Сяньинь, оставшись без верхней одежды, свободной рукой как раз расстёгивал пуговицы.

Испугавшись, Би Ю оттолкнул Чэнь Сяньиня.

Расстёгнутые пуговицы одну за другой застегнули обратно.

Хотя на протяжении всего времени он не решался встретиться с Чэнь Сяньинем взглядом и по всему телу по-прежнему бежали мурашки, Би Ю кое-как наспех запахнул одежду, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке:

— На этом закончим, давай больше не будем продолжать.

Би Ю достал телефон и принялся делать вид, что увлечён им, испытывая в душе лишь неловкость.

Телефон дважды звякнул, показывая, что его добавили в чёрный список, и в то же самое время шею пронзила острая боль. Би Ю судорожно выдохнул со звуком шипения и инстинктивно оттолкнул уткнувшуюся ему в грудь голову. Телефон со стуком рухнул на деревянный пол.

— Сяньинь?!

Би Ю с неверием прижал руку к саднящему, содранному участку на шее.

Чэнь Сяньинь молча смотрел на него, уголки его губ алели чем-то похожим на кровь. Бросив взгляд на светящийся экран телефона, Чэнь Сяньинь произнёс:

— Ты всё ещё ищешь её?

— Нужно же наконец лично во всём разобраться и узнать, как такое вообще могло произойти,
— Би Ю решительно взял куртку, собираясь отправиться в университет. — Ты заслуживаешь её извинений, к тому же то, что она натворила, уже вполне тянет на нарушение неприкосновенности частной жизни.

— Я сгоняю кое-куда и скоро вернусь...

— Не надо.

— Ты не уходишь, ладно? — голос Чэнь Сяньиня звучал глухо, но от его слов Би Ю едва не подскочил на месте. — Если я останусь здесь совсем один, я не ручаюсь, что не натворю чего-нибудь непоправимого.

Он с затаённой обидой уставился на него, и в глазах переливалась горькая скорбь:

— Ты же обещал, что не бросишь меня, и вот так быстро собираешься нарушить слово?

Би Ю не нашёлся что ответить и онемел под таким напором.

— Просто побудь со мной, больше ничего не нужно.

И в самом деле, оставлять дома Чэнь Сяньиня с его расшатанными нервами было бы куда большим источником опасности. Вернувшись к Чэнь Сяньиню, Би Ю ощутил одновременно жалость и полнейшую беспомощность:

— Хорошо, я никуда не уйду.

Прижавшись друг к другу, они вели бесконечные разговоры, и сами того не замечая, поддались накотившей сонливости. Проснувшись, они обнаружили, что солнце уже клонится к закату.

Би Ю и сам не ожидал, что окажется настолько беспечным, чтобы проспать так долго. Оглядевшись по сторонам, он понял, что находится в собственной спальне — судя по всему, только Чэнь Сяньинь мог принести его сюда на руках. Собираясь успокаивать чужие нервы, а в итоге первым провалился в сон.

Би Ю потёр нос, чувствуя себя немного неловко.

Дверь в комнату Чэнь Сяньиня была заперта, видимо, тот тоже отдыхал внутри. Оста S*W

18.02.24 вив записку с наставлениями, Би Ю на цыпочках вышел из дома.

Расклеенные по всему первому этажу объявления куда-то пропали. Би Ю расспросил консьержа — пожилого седого старика, — но тот ответил, что ничего не знает, мол, должно быть, всё счистил уборщик.

Би Ю попытался расспросить его дальше, но консьерж отвернулся, делая вид, что ничего не слышит, и забормотал под нос:

— Под одной крышей добра не жди...

Жильцы комплекса сновали туда-сюда, и каждый осыпал Би Ю оценивающими взглядами. Несколько мужчин средних лет при этом противно ухмылялись — бог весть что творилось у них в головах.

Би Ю вдруг почувствовал глухое раздражение и, резко обернувшись к толпе, холодно бросил:

— Эй, подойдите поближе, оттуда вам разве что-нибудь разглядеть?

Он сделал несколько шагов вперёд, и прохожие с удивлением на лицах поспешно ускорили шаг.

Телефон дважды завибрировал — это было сообщение от арендодателя. Текст составлен вежливо, но за всеми обходительными увёртками Би Ю с лёту уловил истинный смысл.

...Они уже навлекли столько сплетен на эту квартиру, так что если съедут до Нового года, арендную плату за оставшиеся дни частично вернут. Би Ю подумал, что в общем-то в этом нет ничего страшного и ничего оскорбительного, поскольку он и сам изначально собирался вернуться домой до наступления Нового года.

Би Ю отправился в университет отыскать Тянь Цзяцзя, но её и след простыл. Ян Шолань сообщил ему, что тоже уже давным-давно не видел Тянь Цзяцзя.

— Недели две назад, пожалуй, — вспомнил Ян Шолань, уплетая мороженое. — А, точно, она после выписки из больницы так больше и не появлялась в кампусе. Что, совесть замучила, и ты хочешь высказать ей всё в лицо?

Ян Шолань противно ухмыльнулся.

С мрачным лицом Би Ю вкратце пересказал Ян Шоланю всё, что сотворила Тянь Цзяцзя.

— Ого... Выходит, ты заявился сюда сводить счёты? — рассудил Ян Шолань. — Но на сей раз она действительно перешла все границы.

<http://bllate.org/book/25849/3088713>